

Арво Крикманн

«Концовка» – межевой столб в историческом развитии жанра фольклорной шутки?

От шванков АТУ к современному анекдоту

*IX Международная Летняя школа «Фольклор в наше время:
традиции, трансформации, новообразования»*

Материал подготовлен при поддержке гранта Эстонского Научного Фонда ETF-6759

Терминология: Schwank versus joke

Нетрудно убедиться в том, что по своей когнитивной структуре современные анекдоты с «концовкой» резко отличаются от непуантированных фольклорных рассказов комического содержания, наиболее «классическую» часть которых составляют сюжеты, входящие в указатели породы Аарне-Томпсона-Утера.

Однако, трудности их четкого двувалентного различения велики и разнообразны.

Первая из них – царящая в области комического фольклорного нарратива терминологическая путаница.

Проблемы начинают обнаруживаться уже в самом названии данной категории сказок.

Аарне, регистры которого составлены на немецком, называет их «шванками» (*Schwänke*). Томпсон сформулировал свой английский заголовок как «Шутки и анекдоты» (*Jokes and Anecdotes*), а Утер как «Анекдоты и шутки» (*Anecdotes and Jokes*).

Ни один из этих английских терминов не отражает правильно содержание главы, посвященной шутливым народным рассказам, так как «анекдоты» (*anecdotes*) в их привычном смысле означают смешные (вымышленные или реальные) истории об известных людях, а «шутками» (*jokes*) обычно называют короткие, непременно пуантированные юмористические единицы в форме нарратива, загадки, рекламы, каламбура и т.д.

Среди тех языков, которые я знаю, только немецкий и финский имеют четкие термины, позволяющие отличать юмористические народные рассказы «Аарне-Томпсона» и другие (как правило непуантированные) их разновидности от пуантированных современных фольклорных шуток: *der Schwank / der Witz* и *kasku / viitsi* соответственно.

В русском языке указатель сказок Андреева обозначает диапазон 1200 ff. как «Анекдоты». До сих пор вся область юмористических народных нарративов группируется под этим слишком общим термином. А для описания смешных историй об известных людях используется понятие *исторический анекдот*.

Schwank versus joke: с пуантом versus без пуанта

Каждый, кому приходилось сталкиваться с народными нарративами, интуитивно ощущает специфику и особенности, отличающие диапазон 1200 ff. указателя Аарне от репертуара пуантированной шутки.

Многие выдающиеся, главным образом, немецкие фольклористы (Германн Баузингер, Луц Рэрих, Зигфрид Нейманн, Ноберт Нейманн) предпринимали попытки объяснить суть различий между жанрами *Witz* и *Schwank*. Тем не менее, шванк не получил должного внимания со стороны ведущих современных исследователей юмора. Среди научных трудов, которыми я располагаю, работы Эллиотта Оринга (*Jokes and Their Relations*, 1992 и др.) являются одним из немногих счастливых исключений.

Используя для обозначения шванка широкий термин *tale* (рассказ, история), в силу отсутствия более конкретного английского соответствия, Оринг перечисляет определенные немецкими фольклористами характеристики, отличающие *Schwank* от *Witz*:

★ *tale* (т.е. шванк) обычно длинее шутки (*joke*);

★ мир, в котором разворачивается *tale*, нормален, типичен и рационален, в то время как мир шутки (*joke*) аномален, странный и нелеп;

★ шванки, как правило, открыто поучительны, шутки же, наоборот, избегают прямой морализации;

★ шутки обычно рассказывают в настоящем времени, а шванки в прошедшем;

★ шванки опираются на действия и события, шутки – на возможности языка и речи;

★ шванк и обычно включают в себя несколько эпизодов и заканчиваются нарративной развязкой, в то время как шутки состоят из одного единственного эпизода и имеют внезапную концовку в виде пуанта.

Оринг считает большинство этих различий сопутствующими-ми, если не вообще неважными, и утверждает: «Единственным существенным различительным признаком между шуткой и юмористической историей, является наличие или отсутствие т.н. пуанта. Шутка без пуанта не является шуткой. [- - -] Другими словами, именно пуант регулирует остальные яркие отличительные особенности шутки.» (1992 : 82).

Определив пуант как элемент, который делает шутку шуткой, Оринг переходит к перечислению необходимых условий:

★ пуант должен находиться в самом конце текста шутки, и за ним не должно следовать никаких

поучительных комментариев;

★ текст должен сохранять оптимальный баланс между информативностью и избыточностью, так как чрезмерное информирование слушателя или читателя неизбежно уничтожает эффект пуанта;

★ концовка в виде непосредственно рассказанной финальной части, следующей за кульминацией, и концовка как продукт умственных усилий, которые слушатель или читатель прилагает после пуанта, являются взаимно исключаящими: «самая неумесная реакция на шутку – это вопрос "А что произошло потом?"» (1992 : 86);

★ хотя граница между пуантированными и непуантированными нарративами неабсолютна, некоторые варианты одного и того же сюжета могут казаться пуантированными, а другие нет; и т.д.

Сказки Аарне-Томпсона – это по большей части аксиологически ориентированный материал. Другими словами:

1) существует определенная мотивирующая сила, которая определяет тип конфликта, ход событий и сюжетную развязку;

2) главные герои сказки воплощают определенное аксиологически маркированное свойство, за которое они будут наказаны или вознаграждены в концовке.

В соответствии с природой этих двух компонентов, поджанры сказок Аарне-Томпсона могут быть разделены на два класса:

1. класс, включающий в себя волшебные и религиозные сказки, в которых мотивирующая сила носит сверхъестественный характер (появляются сверхъестественные существа / предметы, происходят сверхъестественные события и т.д.), посылая герою сверхъестественных советчиков и помощников, которые помогают ему одержать победу в конце.

2. класс, включающий в себя сказки о животных наподобие басен, большинство подкатегорий романтических или реалистических сказок (*Novelle*), практически все сказки о глупом черте и основные подкатегории шванков.

Здесь ход событий и конечный результат обусловлен (человеческими или нечеловеческими) естественными факторами и причинами, а зоо- и демономорфические герои понимаются аллегорично. Аксиологическое различие имеет интеллектуальную основу: «хорошее» означает разум, смекалку, остроумие, хитрость, умение врать и обманывать и т.д., а к «плохому» относится глупость, недалекость, тугодумность, наивность и т.д.

Общее число типов шванков в указателе Утера составляет около 990. Если также принять во внимание высокий процент сюжетов обмана в сказках о животных и о глупом черте, можно объединить и деконструировать некоторые ориентирующиеся на героев подкатегории шванков, предложенные Аарне, и таким образом получить следующие четыре общих категории, две из которых являются продуктивными, а остальные две нет. Их приблизительное соотношение оказывается следующим:

1) сказки об хитрых поступках, обмане, ловкой краже, остроумных ответах и т.д. – примерно 400 (40%);

2) сказки о пошехонцах и прочих дураках, а также о глупых поступках – примерно 270 (27%);

3) сказки, которые Томпсон называет *Tales of Lying*, а Утер *Tall Tales* – примерно 90 (9%);

4) сказки о счастье по случаю – примерно 30 (3%)

Таким образом, к четырем типам шванков относится 4/5 всех сюжетов в указателе Утера.

1. Шванки о хитрых поступках и обмане

Ложь, мошенничество, обман, хитроумие и т.д. – это универсальные формы коммуникативного поведения человека. Они являются одними из фундаментальных тематических опор любого устного или письменного объекта словесной культуры. Масштаб проявлений хитроумности, находчивости, обмана и т.д. в шванках существенно варьируется. Мотивы для умных поступков ~ результаты этих поступков могут являть собой все четыре аксиологических варианта "оптативных стратегий". Они могут:

1) приносить какое-либо ранее отсутствующее преимущество;

2) устранять какое-либо ранее присутствующее зло;

3) отводить какое-либо ранее отсутствующее, но возможное зло;

4) сохранять какое-либо ранее присутствующее, но уязвимое преимущество.

Причины цепи событий и количество действий и поворотов в сюжете также могут варьироваться. Толчок первоначальному мотиву обычно дает чье-либо действие, поведение, черта характера и т.д., которые антагонист воспринимает как нечто плохое, против чего надо бороться:

★ происходящее прелюбодеяние должно быть скрыто, а предполагаемое прелюбодеяние должно быть раскрыто и наказано (см. несколько сюжетов в интервалах ATU 1355–1362, 1380, 1419–1423);

★ лень, воровство или чревоугодие жены должно быть раскрыто и пресечено (например, ATU 1370B*; 1373; 1373A);

★ опасные утверждения говорливой жены должны в конечном итоге быть опровержены, или же ее нежелательное любопытство пресечено (ATU 1381 и его подтипы, 1416);

- ★ мужу, который считает, что его жене живется легче, чем ему самому, должен быть преподан урок (ATU 1408);
- ★ ухаживания неприятного человека (распутного священника или кого-то другого) должны быть пресечены и/или наказаны (ATU 1440–1441В*; 1725; 1730);
- ★ физические, психологические или моральные пороки потенциальной невесты должны скрываться ею самой и ее семьей / должны быть раскрыты женихом посредством различных тестов и проверок (многие сюжеты в интервале ATU 1450–1470);
- ★ нелепые попытки старых дев выйти замуж должны высмеиваться (большинство сюжетов в интервале ATU 1475–1488);
- ★ справедливые вердикты должны соблюдаться, а несправедливые должно избегать или отменять (ATU 1534 и подтипы);
- ★ слуга ~ батрак должен «оздоровить» несправедливого хозяина (который плохо кормит, дает черезчур много работы, имеет необычные привычки) ~ хозяин соглашается на более выгодные условия после целого ряда поучительных розыгрышей и иронических заявлений со стороны батрака (несколько сюжетов в интервале ATU 1560-1572;1575*);
- ★ корыстолюбивый пастырь, ищущий взятки, должен быть поставлен на место достойным словесным ответом или осмеян (несколько сюжетов в интервале ATU 1734*–1741*) и т.д.

Наряду со сказками, в которых наносимые ответные удары очень реалистичны, указатели шванков включают в себя ряд сюжетов, где умные поступки приписываются «профессиональным» мошенникам (жуликам, вора и т.д.) наподобие Уленшпигеля, которые и затевают конфликт: на спор, по соглашению или просто из любви к азарту:

- ★ ядром цикла сказок о мошеннике является тип «Искусный вор» (ATU 1525), у которого есть множество подтипов и который хорошо известен в мире и имеет множество литературных источников; «Сокол под шляпой» (ATU 1528), «Хитрость и легкоеверие» (ATU 1539), «Студент из рая / Парижа» (ATU 1540) и т.д.;
- ★ дочерей ~ жену богатого человека (короля ~ хозяина ~ священника) соблазняют, используя различные уловки и притворства (несколько непристойных сюжетов в интервале ATU 1542*1547*; 1563; 1731);
- ★ слепые люди обманым путем вовлекаются в драку (ATU 1577);
- ★ различные уловки используются для того, чтобы уклониться от возврата долга или какого-либо позаимствованного навремя предмета (типы в интервале ATU 1591–1594);
- ★ ATU 1635*, уловки Уленшпигеля – источник разнообразного местного юмористического фольклора об Уленшпигеле;
- ★ пастырь подвергается обману и осмеянию различными способами, зачастую со стороны дьяка или мальчишек конфирмантов: например, его относят в мешке "на небо" (ATU 1737, 1740), ему обещают научить его курицу или осла говорить или обучить его собаку (ATU 1750 и подтипы); его ставят обманым путем в униженное положение, приводят в бешенство или провоцируют сказать что-то неподобающее во время проповеди (ATU 1775, 1785В–1786, 1825С).

2. Шванки о пошехонцах и прочих глупцах

Сказки об обмане неизбежно имеют двух главных героев: обманщика и обманываемого, то есть умного победителя и глупого проигравшего. Тем не менее, сказки об обмане не являются автоматически сказками о глупости. Жертва главного героя не должна быть невероятно глупа, а всего лишь достаточно глупа для того, чтобы ее обыграли. Такая «относительная» глупость становится очевидной только при чьей-то помощи.

Жертва на самом деле наказывается за другие пороки: жестокость, скупость, лень, распутство и т.д., а зачастую просто за то, что является представителем ненавистного высшего сословия, т.е. находится вне зоны действия естественных моральных норм.

В настоящих шванках о глупости нет «лакмусовой бумажки» ума, т.е. глупость обнаруживает себя спонтанно, на двух явно различных уровнях интенсивности, что было также отмечено, например, Хедой Ясон и другими исследователями.

Примеры «классической» крайней глупости собраны Аарне и его продолжателями в специальном первом подразделе главы о шванках и названы Аарне *Schildbürgerschwänke*, Томпсоном *Numskull Stories*, а Утером *Stories about a Fool*.

Как уже многократно отмечалось в литературе, термины, обозначающие глупцов, часто являются производными от топонимов «местного», субэтнического масштаба: абдериты в древне-греческом, *Gothamites* в английском, *Schildbürger* в немецком, *пошехонцы* в русском, *hölmöläiset* в финском и т.д. Ясон (1972 : 9–10) пишет:

поступки болванов можно разделить на две группы:

- а) действия, за которыми стоит незнание основных качеств объекта и элементарной терминологии;

б) действия, которые обнаруживают неумение действующего лица применять недедуктивные приемы извлечения выводов.

Действительно: болваны не знают даже самых элементарных законов природы, обычных повседневных предметов, самых элементарных приемов труда, фундаментальных правил человеческого общения, целей человеческой деятельности.

Они ★ сеят соль (ATU 1200), ★ собирают урожай с помощью оружия (ATU 1202), ★ доят кур (ATU 2004**), ★ отводят коров пастись на крышу (ATU 1210), ★ пытаются вылупить цыплят из яиц (ATU 1218), ★ отпилить ветки, на которых сидят (ATU 1240), ★ растянуть балки (ATU 1244), ★ отнести солнечный свет в мешках в дом без окон (ATU 1245), ★ сварить кашу в ледяных лунках (ATU 1260), ★ научиться плавать на сухой земле (ATU 1293*), ★ не знают что такое навозные жуки (ATU 1316), ★ часы (ATU 1319A*), ★ луна (ATU 1334), ★ сосиски (ATU 1333A) и т.д.

Эти и прочие нелепости происходят из большого множества различных (зачастую древних) западных и восточных источников, многие из которых уже давно стали общеизвестными.

Более «нормальные» случаи глупости встречаются в различных категориях и подкатегориях шванков:

★ глупая женщина удобряет капусту мясом (ATU 1386);

★ крестьянин и его жена решают послать их любимого вола или другое домашнее животное в школу (ATU 1675, часто представляемый как сказка об обмане);

★ цыган ~ крестьянин ~ ... пытается приучить свою лошадь жить без еды (ATU 1682);

★ шванк «Что я должен был сказать (сделать)?» (ATU 1696), имеющий интересное цепное построение, где глупый сын или глупая дочь бездумно применяет наставления и советы, полученные после своего предыдущего злоключения и совершенно неподходящие для данного случая, провоцируя таким образом эффект домино.

3. Небылицы (*Tall tales*)

Утер был прав, когда решил дать другое название заключительной главе о шванках и заменить «Рассказы о вранье», потому что данный вид рассказов действительно не имеет ничего общего с враньем как формой обмана (хотя он действительно часто выступает в форме обмана). Небылицы более схожи с рассказами о глупцах, поскольку и те и другие в общем-то являются собраниями нелепостей. Устные и литературные традиции содержат большое количество удивительно бессмысленных, порой оксюморонных мотивов: несуществующих предметов, невозможных действий, гипер-гипербол и т.д., которые могут присутствовать в различных нарративах, но также существовать и в качестве автономных пословиц или других «устойчивых выражений», встречаться в загадках и т.д.:

★ корень камня; ★ птичье молоко; ★ сук воды; ★ рога свиньи; ★ шерсть краба; ★ дойка козла; ★ подковка блохи; ★ кастрация лягушки; ★ веревка из песка или шелухи; ★ суп из топора; ★ вода в решете; ★ сеяние соли; ★ кисельные берега и молочные реки; ★ преодоление пропасти в два прыжка и т.д.

«Небылицы» также, кажется, имеют некоторые яркие типологические и этимологические признаки.

Во-первых, «небылицы» часто выстроены как двухслойные рассказы с обрамлением, где посвященный лжи нарратив включен в сюжет об обмане: идет состязание по вранью, и слушателю запрещено прерывать повествование протестами «Это ложь!» или тому подобное (см. в особенности ATU 1920 и его подтипы).

Однако на базовом уровне «вранья» отсутствует нормально выстроенный сюжет с обычными его составляющими (экспозицией, диспозицией, кульминацией и развязкой), а имеется лишь броуновское движение логически не связанных между собой событий и элементов или нечеткая цепь гиперболических образов, набор отрицаемых утверждений и утверждаемых отрицаний и т.д.

К этой второй группе относятся рассказы о Мюнхгаузене (ATU 1889 и подтипы A-L), а также другие похожие охотничьи истории.

Цикл о Мюнхгаузене пересекается с сюжетами, которые описывают всевозможные страны чудес, например, «Подводный мир» (ATU 1889H); «Страна обетованная» (*Schlaraffenland*) (ATU 1930); «Страна вверх тормашками» (*Topsy Turvy Land*) (ATU 1935).

Одной из самых впечатляющих и удивительных единиц в собрании юмора ATU, на мой взгляд, является цикл о больших вещах (ATU 1960 и его многочисленные подтипы, 1961), упомянутый практически в самом конце главы о шванках в указателях сказок. Этим шуткам придает особую привлекательность необузданная игра с измерениями мира, которая укладывает их друг в друга, делает постоянные внезапные прыжки от масштаба лилипутов до размера гигантов и т.д.

Вот два русских примера:

ATU 1960A. Большой бык (лошадь, овца, заяц, собака, медведь и пр.).

Дедушка у внука спросил: «Что ты так весел?» — «А я, государь, сего дня затравил свою лебедкою медведя». Спросил дед: «Разве маленького?» Отвечал внук: «А вот, дедушка, как он был мал. Когда же кожу сняли, то шестеро дровни покрыли». Дед внуку сказал: «Поди, мой друг, я тебя поцелую: хотя ты и

молод, да начал хорош лгать». Внук сказал: «Еще тому, дедушка, не конец, триста почек вынули». Дед спросил: «Что так много?» — «Для того, — отвечал внук, — медведь триста лет жил. Ведь у них всегда бывает, что год, то почка вырастает, сто двадцать пуд сала вынули». Дед сказал: «По такой величине быть может». — «А в сале нашли мешок с осьмину». Дед, вскоча, спросил: «С чем, мой друг?» Отвечал внук: «С пулями, дедушка, с пулями. В триста лет медведева веку много охотников по нем стреляло, и пули, все собравшись в одно место, заросли салом». Дед внуку сказал: «Пожалуй, мой друг, не всякому сказывай: кто не знает, так и не поверит. Когда я был в твои лета, у меня была покойная Нахалка, сильная собака, скакала за зайцем, давши промах, круг пня три раза обвилась, как змея, и, ухватя хвост в зубы, умерла. Вот тебе даю благословение, ее шкуру». Внук спросил: «А как, дедушка, пень был толст?» Старик сказал: «Охвата в три». Внук, подивясь, сказал: «Подлинно, государь-дедушка, я ваш истинный внук».

[Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века) / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. С.63—64. №18.]

АТ 1960G. Горох до неба

Жил старик и старуха. Старик катал, катал одну горошину. Она и упала наземь; искали, искали, не могли найти с неделю. Минула неделя, и увидели старик да старуха, что горошина дала росток; стали ее поливать, горошина взяла расти выше избы.

Горох поспел, и полез старик по гороху, нащипал большой узел и стал слезать по китине. У старика узел упал и старуху убил; тем и кончилось.

[Народные русские сказки А.Н.Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1984. Т.1. С.32. №19.]

А вот краткое изложение двух фрагментов из эстонских текстов:

АТУ 1960А: Огромный бык

На огромном быке сидят три брата: один на рогах, другой на спине, третий на крестце. Они отводят быка на водопой, и он поглощает огромное количество воды. Большой ястреб устремляется вниз и отрывает одно из бедер быка. Братья падают с быка на три дня. Одному из них в глаз попадает соринка, и оказывается, что это и есть оторванное бедро быка. Лиса начинает есть это бедро, и ее убивают, но она оказывается слишком большой, чтобы снять с нее шкуру. Старуха отрезает половину шкуры, добавляет еще сотню шкур и делает из них шапку ребенку, и т.д.

АТУ 1961: Большая свадьба

15 литров солода поставили бродить для свадебного пива, из которого получилось два сорта напитка: 15 бочек 'virvomm' и 3 бочки крепкого 'karamomm'. 6 длинных столов были поставлены в ряд для гостей, так что один край доставал до двери, а седьмой стол для неожиданных гостей выходил во двор. На каждом столе было место для целого каравая, и места по углам. Для свадебного пира два шестинедельных кабана откармливали семь дней подряд. После свадьбы от них остались только четыре ноги и два бока (хозяин уже отложил головы к Рождеству). Приданое невесты было таким большим, что потребовалось двое самых крепких силачей, чтобы поднять сундук на сани. Первый из них был знаменит тем, что его брат однажды держал хвост семидневного свино-быка на льду в Иванов День. Другой был еще сильнее. Однажды он держал трехдневного кабано-петуха и не отпускал его, пока тот сам не выдернул свой хвост.

4. Счастье по случаю

Это маленькая и ни на что не похожая группа шванков (всего 3% от общего количества), которую Аарне, так сказать, выделил из логических соображений. В то время как шванки об обмане – это истории о заслуженном успехе (и провале), а шванки о глупости о заслуженном провале, шванки об удачном стечении обстоятельств повествуют о незаслуженном успехе.

В эту группу входят

- ★ некоторые рассказы о псевдо-воинах, -лекарях, -ученых мужах (АТУ 1940–1941 и их подтипы),
- ★ некоторые истории об удачных находках сокровищ (АТУ 1643–1646),
- ★ о богатствах, полученных путем продажи неизвестных животных или вещей (АТУ 1651 и подтипы),
- ★ о случайно испугавшихся грабителях (АТУ 1653–1654),

и т.д.

Случайность, по большому счету, не относится к мотивирующим силам шванков, так как ее законное место в реалистических или романтических рассказах. Таким образом, возникают два взаимосвязанных вопроса:

- 1) есть ли шванки о неудачных стечениях обстоятельств?
- 2) есть ли шванки о незаслуженных неудачах и провалах?

Даже беглый взгляд на укаатель Утера показывает, что градация социальной дифференциации якобы незаслуженно удачливых персонажей более или менее соответствует градации победителей в рассказах об обмане, то есть другими словами, удачное стечение обстоятельств очень редко выпадает на долю

представителей более высоких социальных слоев, которые обычно являются проигравшими в рассказах об обмане.

Взять, к примеру, следующее краткое изложение Утером типа АТУ 1838. Боров в церкви:

Дьякон нечаянно запирает борова в церкви. Он слышит шум и сообщает об этом священнику, который надевает свою рясу, берет Библию и просит дьякона открыть дверь в церковь. Боров выбегает между ног священника и несется прочь, неся его на своей спине. Священник думает, что его уносит дьявол.

Наверядли какая-либо воображаемая "обычная аудитория" могла бы воспринять это случайное невезение как незаслуженное и следить за этим гротескным зрелищем без злорадства.

Несовместимость versus пуант

Т.н. теории несовместимости (*incongruity theories*) юмора, предложенные Артуром Кэстлером, Виктором Раскиным, Сальваторе Аттардо и др., объясняют психологический эффект комизма, возникающий при восприятии некоторых текстов, семантически двухплановым характером этих текстов, включающих в себя два несовместимых, но пересекающихся между собой возможных толкования ~ фрейма референции ~ «скрипта»:

реципиент начинает интерпретацию текста в духе первого скрипта,

наталкивается на несовместимый с этим скриптом элемент,

возвращается к начальной части в поиске нового русла понимания,

находит подходящий (неожиданный) второй скрипт,

вырабатывает интегрированное толкование текста и испытывает юмористическое наслаждение от своей находки.

Теории несовместимости негласно нацелены на объяснение (в том числе, или даже прежде всего) специфики эффекта «удара неожиданности и понимания», вызванного концовкой анекдота.

Однако одной конфигурации двух несовместимых, но пересекающихся скриптов недостаточно для подобного объяснения.

Такую же соотнесенность двух планов содержания можно усматривать и в непуантированных шванках с «материальным», сюжетным разрешением: в противопоставленности нормальной и пошехонской картины мира; между трактовками ситуации со стороны обманщика и обманываемого; между реальными и фантастическими событиями, измерениями и т.п. в небылицах; между причинностью и случайностью в рассказах о счастье по случаю и т.д.

Эллиот Оринг, как было отмечено, подчеркивает решительную роль наличия / отсутствия пуанта в в определении различия между шванком и анекдотом. Он, как и Виктор Раскин и др., считает важным также оптимальный баланс между информативностью и избыточностью при подаче текста, поскольку слишком открытый препрайминг может свести к нулю весь эффект неожиданности в концовке. Но эти исследователи явно считают эту опасность слишком реальной, так как они (как и упомянутые у Оринга и здесь ниже немецкие фольклористы) считают возможности двустороннего движения между формами шванка и пуантированного анекдота в пределах одного и того сюжета почти неограниченными.

Оринг оставляет без ответа и вопрос о том, что все таки позволяло непуантированным шванкам квалифицироваться как юмор и что, собственно, гарантировало их существование, популярность и долговечность.

Пуант – исторический «межевой столб»? Аргументы и контраргументы

Есть достаточные основания полагать, что «шванки АТУ» и анекдоты с концовкой представляют собой разные, как бы наслаенные друг на друга исторические пласты в развитии фольклорной комедии и что возникновение пуанта как орудия комизма может считаться событием относительно поздним, может быть, одним из эпифеноменов спада и исчезновения культурной модели Великой Цепи Бытия где-то в конце XVIII столетия.

В поддержку подобной гипотезы можно привести ряд веских эмпирических наблюдений, исторических фактов и теоретических постулатов:

★ Имеющиеся фольклорные источники многих народов показывают, что в XIX веке люди якобы предпочитали рассказывать (и собиратели фольклора, соответственно, записывать) шванки без концовки, а в XX веке – скорее всего анекдоты с концовкой.

★ Многие шванки про обман очень напоминают выходки и каверзы, т.н. практические шутки (*practical jokes*), которые Альберт Рапп и др. сводят к самым первобытным и примитивным стратам развития юмора.

★ Анекдот с концовкой, в принципе, предполагает новизну, его нет смысла рассказать тому, кому он уже известен; зато шванками можно наслаждаться и повторно.

- ★ По мнению указанных выше классиков немецкой фольклористики практически все современные пуантированные анекдоты якобы имеют предки в форме шванков, да и главное направление развития народного юмора вообще регулярно устремляется к пуантированным формам.
- ★ Поль МэкГи попытался коррелировать степени временного развития юмора со стадиями онтогенетического развития человеческой личности и доказать на примере детей, что чувство когнитивного наслаждения и удовлетворения может быть вызвано не только новизной стимула, но и возможностью редуцировать новые стимулы к уже знакомым и ставшим схематичными ментальным моделям.
- ★ Все сказанное выше хорошо согласуется с известной гипотезой Юрия Лотмана о двух исторических стадиях развития эстетики: «эстетике тождества» и «эстетике противопоставления».

Есть, однако, и столь же веские контраргументы.

- ★ Когнитивная сущность пуанта для теории юмора пока относительно неясна. К тому же, острота комического восприятия не сводится полностью к «объективным» семантическим характеристикам воспринимаемого текста, а в большой степени зависит и от персональных характеристик воспринимающего (таких как пол, возраст, психотип), от базы его социально-культурного опыта, а в случае устной фольклорной трансмиссии – также от разных конкретнейших контекстовых условий.
- ★ Имеется масса комических текстов весьма раннего (например, античного) происхождения, которые почти однозначно квалифицируются как пуантированные: например, многие тексты из пресловутого греческого сборника «Филогелос», составленного не позднее IV века нашей эры.
- ★ Существует огромный корпус народного юмора Востока с крайне гетерогенным составом по содержанию и структуре, никак не вмещающийся в рамки системы категорий указателей АТУ и пока остающийся вне круга интересов западных авторов, включая обширный цикл рассказов о Ходже Насреддине, самом ярком и продуктивном представителе плеяды «умных дураков» и шутов в мировом фольклоре.
- ★ Даже беглый первоначальный анализ этого исторического (античного и средневекового) материала опровергает представление о четком двувалентном распределении фольклорно-комического нарратива на пуантированные «АТУ-шванки» и пуантированные анекдоты, а также оспаривает универсальность тренда исторического движения от пуантированных форм комедии к пуантированным и показывает необходимость пересмотра структурного состава произведений фольклорного юмора.

Эзоп и Филогелос

Композиционный стереотип акта хитрости ~ обмана преобладает во многих поджанрах фольклорной сказки – в сказках о животных, в рассказах о глупом черте и, как было показано выше, в шванках. Некоторые фольклористы (например, Исидор Левин) считают жанр сказки о животных и жанр басни ~ притчи практически идентичными. В новом указателе Утера по меньшей мере 26% из общего числа типов сказок о животных (100 / 381) имеют ссылки на басни Эзопа. Удел сюжетов античного или средневекового происхождения достаточно велик также во главе шванков указателя Утера. Уильям Хансен (William Hansen, *Ariadne's Thread: A Guide to International Tales Found in Classical Literature*, 2002) нашел в античных источниках прямые или приблизительные соответствия по меньшей мере 60–85 типам шванков АТУ.

Итак, надеясь найти кое-какие опорные точки для объяснения полиморфного характера хитрых (и глупых) героев фольклорного нарратива, для понимания соотношений комедии ~ юмора с аллегорией, остроумием и паремической мудростью, я обратился к басне.

Я вновь прочитал все доступные мне издания (переводов) басен Эзопа. Я нашел в них мир, населенный существами, относящимися к абсолютно всем ступеням Великой Цепи Бытия – богами, людьми, животными, растениями, неодушевленными объектами и «элементами» природы, даже абстрактными понятиями. Все они беседовали, общались, конфликтовали, боролись друг с другом и обманывали друг друга (то удачно, то нет). Степень эвристичности ~ креативности актов хитрости, остроумия и мудрости в них казалась мне колеблющейся на очень широкой шкале. Паремические обобщения, произведенные от сюжетов казались иногда совершенно рациональными, иногда же совершенно криптическими.

Я также прочитал или перечитал массу литературы о баснях и аллегории, узнал много интересного об аллегории как виде обаятельной речи, о разных осмыслениях аллегорий в разных исторических стратах басен, о историческом развитии конкретных сюжетов басен, об их исключительно высокой степени интертекстуальности, о способах портретизации животных в баснях и т.д. – но ничего разумного для соотнесения аллегории и басен к юмору и теории юмора.

Я обнаружил, что некоторые из басен Эзопа на самом деле напоминают пуантированные анекдоты, нашел даже возможного этимологического предка анекдота о КГБ и огороде еврея (АТУ 910Е):
Крестьянин и его дети

Крестьянин собрался помирать и хотел оставить своих сыновей хорошими земледельцами. Созвал он их и сказал: «Детки, под одной виноградной лозой у меня закопан клад». Только он умер, как сыновья схватили заступы и лопаты и перекопали весь свой участок. Клада они не нашли, зато перекопанный виноградник принес им урожай во много раз больший.

Басня показывает, что труд – это клад для людей.

(Гаспаров 1968: № 42)

А здесь – два примера из русского интернета:

Рабинович сидит на VIII съезде ВКП (б). Ему приносят телеграмму от жены: «Надо сажать картошку, а некому копать огород». Рабинович отвечает телеграммой: «Не перекапывай огород. Там зарыт пулемет». Жена сообщает Рабиновичу: «Приходили из ЧК, перекопали весь огород». Рабинович дает указание жене: «Теперь сажай картошку».

<http://www.sem40.ru/rest/humor/15448/>

Мама пишет в тюрьму сыну: Сынок, как тебя посадили сил нет, некому помогать по хозяйству - огород не вскопанный, картошка не посажена, что делать не знаю! Сын пишет ответ: Мама в огороде не копайся, накопаешь такого, что и тебя посадят и мне срок добавят. Мама опять пишет сыну: Сынок как пришло твое письмо, приехали мусора, перекопали весь огород, ничего не нашли - уехали злые, матерились. Сын пишет ответ: Мама! Чем мог - тем помог, а картошку теперь уж сажайте сами.

<http://www.forum.uz/showthread.php?t=21585&page=5>

Я также просмотрел пресловутый Филогелос, предполагаемый самый ранний из дошедших до наших дней источников древнегреческого юмора (по разным источникам, с 5–10 в. н. э.).

Оставляя в стороне историческую, этническую, тематическую и текстологическую сторону вопроса, надо сказать, что львиная доля этих 265 текстов представляет собой короткие единицы в форме диалога или «прото-велеризма» – т.е. анекдоты, явно ориентированные на пуантированную концовку, хотя эти пуанты в их современных переводах могут казаться несколько странными и криптическими. Во всяком случае у них мало общего со шванками об обмане «в смысле указателей АТУ».

Вот несколько примеров, циркулирующих в русском интернете:

★ Педант, гуляя, заметил на улице врача, который обычно его лечил, и стал от него прятаться. Приятели спросили его – зачем? Он ответил: «Я очень давно не болел, и мне перед ним стыдно».

★ Педанту сделали операцию горла, и врач запретил ему разговаривать. Педант велел своему рабу отвечать вместо себя на приветствия знакомых и при этом сам говорил каждому: «Не прогневайтесь, что за меня с вами здороваются раб: это потому, что врач запретил мне разговаривать.»

★ Сын педанта играл в мяч и уронил его в колодец. заглянув туда, он увидел свое отражение и крикнул: «Отдай мяч!» Не получив мяча, он побежал к отцу и пожаловался. Отец пришел к колодцу, заглянул туда, увидел свое отражение и сказал: «Добрый человек, отдайте ребенку мяч».

★ Педант хотел спать, но у него не было подушки, и он велел рабу подложить ему под голову горшок. Раб сказал: «Он жесткий». Тогда педант велел набить горшок пухом.

★ Двое педантов шли по дороге, и один из них по нужде немного задержался. вернувшись, он увидел надпись, оставленную товарищем на верстовом столбе: «Догоняй меня», и приписал внизу: «А ты подожди меня».

★ По реке плыла груженная лодка, глубоко осевшая. Педант сказал: «Если воды еще немного прибудет, то она пойдет ко дну!»

★ Педант плыл по морю; разразилась сильная буря, и его рабы стали плакать. «Не плачьте, – сказал он, – в моем завещании я вас всех отпускаю на волю!»

★ Педант увидел двух братьев-близнецов, сходству которых дивились люди. «Нет, – сказал педант, – первый похож на второго больше, чем второй на первого.»

★ Педанту сказали, будто ворон живет больше двухсот лет. Он купил себе ворона и стал его кормить, чтобы проверить.

★ У педанта в доме жила мышь и грызла книги. Чтобы отомстить ей, он стал надкусывать мясо и класть ей в темное место.

★ Педант купил дом и, высовываясь из окна, спрашивал прохожих, к лицу ли ему этот дом.

Педант продавал дом и повсюду носил с собою кирпич в качестве образца.

★ Педант пришел навестить больного друга. вышла заплаканная жена и сказала: «Его уже нет!» Педант сказал: «Когда вернется, передай, что я заходил.»

★ У педанта умер сын. Встретив его школьного учителя, он сказал: «Простите, учитель, что мой сын не пришел в школу: он умер.»

★ В Киме два человека купили по горшку сушеных фиг, но, вместо того чтобы есть каждому из своего горшка, они потихоньку таскали фиги друг у друга. Прикончив чужой горшок, каждый взялся за свой собственный и обнаружил, что он пуст. Они потащили друг друга в суд; судья внимательно их выслушал и велел им обменяться пустыми горшками и заплатить друг другу штраф.

★ Один человек из Кимы жил в Александрии, и там у него умер отец. Он отдал тело отца бальзамиривщику и спустя положенное время попросил его обратно. У бальзамиривщика были и другие покойники, поэтому он спросил: «Какие приметы были у твоего отца?» Кимеец ответил: «Он кашлял.»

А самым большим и непреодолимым камнем преткновения для меня стали рассказы о Ходже Насреддине.

Ходжа Насреддин

Вокруг имени Ходжи Насреддина сосредоточилось огромное количество фольклорного нарратива многих народов Востока – от Турции до Китая, он также популярен и в южной Европе и северной Африке. Наверно, Насреддин (Ходжа ~ Молла ~ Афанди ~ ...) является самым известным и популярным героем народного юмора вообще.

Изданий рассказов о Насреддине огромное количество, включая множество коротких или более пространственных выборок текстов в интернете. Но имеется очень мало научных изданий, снабженных комментариями, ссылками на источники и проч. Я пока знаю только два таких:

1) Albert Wesselski, *Der Hodscha Nasreddin, Türkische, arabische, berberische, maltesische, sizilianische, kalabrische, kroatische, serbische und griechische Märlein und Schwänke*. I–II Weimar: Alexander Duncker Verlag, 1911; содержит в себе всего 515 текстов;

2) Два издания Михаила Харитоновна:

2а) *Двадцать три Насреддина*. Составление, вступительная статья, примечания и указатели М. С. Харитоновна. Москва: Наука, 1978 – 1119 текстов от 23 народов Востока

2б) 2-е, переработанное и дополненное издание: *Двадцать четыре Насреддина*. Москва: Наука, 1986 – 1238 текстов от 24 народов.

В обоих изданиях Харитоновна доминируют азербайджанские, персидские, турецкие, узбекские и уйгурские материалы.

Каждый тип (т.е. отдельный сюжет) представлен одним текстом (т.е. переводом из того или другого языка), но в комментариях даются также сведения о дополнительных вариантах в источниках других народов.

Общая часть этих двух материалов с сюжетами включенными в указатели Аарне-Томпсона-Утера достаточно мала.

В разделе анекдотов указателя Утера есть по меньшей мере 126 ссылок на сборник Весельского (т.е. почти ¼). Но надо учесть, что у Весельского довольно высока доля балканского (и вообще южно-европейского) материала, т.е. извне основного ареала насреддиновской традиции.

У Харитоновна я нашел всего 51 ссылку на указатели Томпсона, Андреева и восточно-славянских сказок (Бараг и др.), что составляет ок. 4% от сюжетного состава сборника. Притом сборник Харитоновна отнюдь не состоит из каких-то редкостей – около 50% рассказов из его состава известны в традициях по меньшей мере двух народов.

Это обстоятельство лишний раз показывает, как недостаточно представлен в указателях восточный народный юмор, а в то же самое время убеждает и в том, что нет практически никакой реальной возможности каким-то простым способом дополнить эти указатели хотя бы сюжетами о Насреддине, не разламывая полностью их нынешнюю систему категорий и групп.

Система Аарне, по сути дела, и не подходит к помещению рассказов о шутках ~ «умных глупцах»: здесь глупцы являються скорее четко глупыми, а хитрецы четко хитрыми.

Но Насреддин, как хорошо известно – величайший образ "умного дурака" в мировом фольклоре.

Судя по ссылкам Утера на сборник Весельского, Насреддин все же заметно чаще выступает в роли "классического глупца", т.е. пошехонца, чем "классического хитреца":

Тематическая группа	Промежуток номеров	Число сюжетов	Ссылок на Весельского	%
Stories about a Fool	1200–1349	202	42	21
The Clever Man	1525–1639	208	32	15

Исследователями нескольких национальностей деланы попытки доказать, что как раз их страна является родным домом насреддиновской традиции. Но турецкие ученые считают его как-то особенно «своим» и, вероятно, есть основания полагать, что кое-какой ранний поток этой традиции на самом деле исходил из Турции.

Существовал ли прототип Насреддина в качестве исторического лица, если да, то где и когда он жил и какое отношение он имеет к рассказам о Насреддине – все это до сих пор туманно и спорно.

По кое-каким документированным старым источникам утверждается, что этот прототип родился в Турции, в деревне Хорту в Сиврихисаре в 1205 или 1209, жил в Акшехире (городок и уезд в провинции Конья в средней Анатолии) и умер в 1275/6 или 1284–1286.

Во всяком случае в Акшехире есть парк Ходжи и сооружение, которое известно как гробница или мавзолей Насреддина.

Турецкие фольклористы Илхан Башгэз (İlhan Başgöz, род. 1921) и Пертев Наили Боратав (Pertev Naili Boratav, болгарин по национальности, 1907–1998) издали на турецком языке книгу о Насреддине, английский перевод которой вышел в 1998 г. под заглавием *I, Hoca, Nasreddin, Never Shall I die* (Bloomington, Indiana), одной из главных составляющих является работа Башгэза *A Thematic Analysis of Hoca Stories in Historical Perspective* (pp. 1–81).

Объектом изучения для Башгэза были самые старинные записи шуток о Насреддине (XV–XIX вв.) – всего 311 единиц (не понял точно, текстов или типов).

Башгэз признает, что нет никаких валидных доказательств того, что этот гипотетический прототип был бы реальным «действующим лицом» каких-либо событий, ставших в основу насреддиновских сюжетов, или их автором или первым рассказчиком.

Башгэз, и Харитонов, и многие другие авторы единодушны в том, что хотя мы на самом деле можем свести некоторые из насреддиновских сюжетов к определенным историческим событиям или связывать их с определенными географическими регионами, социальными классами и т.д. – все же было бы ошибкой отбросить некоторые сюжеты как не соответствующие «художественному портрету» Насреддина.

Наоборот, мы должны рассматривать исключительно все фольклорные тексты, соединенные с именем Насреддина как представители аутентичной традиции.

Правда, исследователи намечают и многие попытки разделить эти рассказы на «хорошие» и «плохие».

Например, турецкий автор Курган (Şükri Kurgan) приводит критерии, по которым следовало бы считать неподлинными рассказы, где Насреддин пьет алкоголь или выступает как мистик или ущемляет женщин или проявляет скупость.

Другие, в особенности суфийские, авторы (Идрис Шах, Роберт Орнштейн и др.) считают Насреддина великим суфием и видят в анекдотах Насреддина глубокий суфийский подтекст.

В изданиях рассказов о Насреддине (например, в книге турецкого мистика Бахая (1926)) материал и на деле подвергался разного рода чисткам, цензуре, перделке и ретушировке.

Приведем попарно несколько примеров от Харитонова и Башгэза:

39. Меня спроси

Жена Насреддина с соседками стирала в пруду белье. Проходил мимо один знатный человек и остановился поглазеть на женщин. Жена Насреддина подняла крик и шум, стала ругать прохожего и кричать:

- Бесстыдник, что ты лупишь на нас глаза?
- Чья это жена? — спрашивает тот.
- Это жена моллы * Насреддина, — отвечают ему.

На следующий день знатный господин вызвал к себе Насреддина, описал приметы его жены и спросил:

- Это твоя жена?
- Да, моя, — сказал Насреддин. — А в чем дело?
- Пришли ее ко мне, мне надо расспросить ее кое о чем.

— По нашим обычаям, — отвечал Насреддин, — спросить надо меня, я, в свою очередь, спрошу ее и передам ответ вам¹.

перс. 8, 30

One day, the Hodja's wife went to a river to wash clothes and insulted the padishah because his leers embarrassed her. Upon learning that the woman was the Hodja's wife, the padishah called the Hodja into his presence and asked him if the woman was his wife. "Why did you ask?" Nasreddin Hodja questioned. The padishah responded, "I will defecate on her vulva." The Hodja, turning the tables on the padishah, said, "Why don't you defecate on my penis. Then I will place it in her vulva."

1070. Вот жильё твоего дяди

Однажды, войдя в свой дом, Эпенди застал там незнакомя.

- Кто ты? — спросил Эпенди.
- Я — племянник бога, — ответил тот.

Эпенди тихонько взял его под руку, привел в мечеть и сказал:

- Если ты племянник бога, то вот жильё твоего дяди...¹

туркм. 15, 170

A child defecated in front of the Hoca's house every day. When questioned by the angry Hoca, the child said, "I am the nephew of God, you cannot punish me."

The Hoca took the hand of the boy, brought him to a mosque, and told him, "This is the house of your uncle. Defecate there as many times as you like."

1016. Джубба * кадия

Насреддин со слугой пошел побродить в садах за городом. Видит: лежит вдребезги пьяный городской кадий, а его шапка и джубба лежат рядом. Насреддин подобрал джуббу и облачился в нее. Кадий проснулся, видит, что джуббы нет. Он наказал своему нукеру * привести в присутствие того, на ком увидит джуббу. На другой день нукер увидел на базаре Насреддина в джуббе кадия, остановил его и говорит:

— Немедленно отправляйся к кадию.

Насреддин без возражений пошел к кадию, вошел в присутствие и сказал:

— Вчера я отправился со слугой погулять в садах. Там я увидел пьяницу, который валялся в грязи, а рядом лежали шапка и джубба. Я поднял джуббу и накинул на плечи. У меня и свидетель есть. Если этот пропойца явится к вам, позовите меня, я верну ему джуббу.

— Не знаю, — отвечал кадий, — что это был за дурак. Джубба пусть пока побудет у тебя. Если кто-нибудь станет искать ее, я вызову тебя ¹.

перс. 8, 85

One day Hoca and his student Imad saw a drunk judge lying on the ground, his turban and cloak thrown in the dust. They took the clothes for themselves. The next day, the judge sent his men to find the thief, and they found the Hoca wearing the turban and cloak. Questioned in the court about where he found the clothing, the Hoca said, "Yesterday my student and I came across a person who was deadly drunk. Imad and I screwed him twice and then got these from him. If you are the person, you can take them." The judge said: "No, no. These are not mine. My turban was longer than this. You can have them both."

1088. Истинный суфий *

Один человек, который выдавал себя за суфия-мистика, однажды говорит Насреддину:

— Не стыдно тебе? Что бы ты ни вытворял, все только смеются, а ты свою глупость выставляешь напоказ.

— А вы, господин мой, чем занимаетесь? — спрашивает Насреддин.

— Каждую ночь, — отвечает суфий, — я взлетаю на небо, осматриваю потусторонний мир, вижу диковинные чудеса.

— Во время полетов что-то мягкое не касалось вашего лица? — осведомился Насреддин.

— Разумеется, — отвечал мистик.

— Так это же хвост моего осла! — воскликнул Насреддин ¹.

перс. 8, 45

Башгэз отмечает, что в одном источнике 15 века пуантирующей репликой Ходжи было: "Hey, stupid man, those were my testicles. You did not know that."

Башгэз отмечает также, что удел сексуальной и скатологической тематики, а, соответственно, и неприличной лексики в рассматриваемых им старых источниках удивительно велик:

"Eighty-seven stories in the sixteenth-century collection may be called obscene, which transcend all categories. Fifteen of such stories refer to the penis, sixteen to the vulva, seven to the testicles, three to testicles and penis, and two to the anus; eighteen stories refer to farting and defecating; twelve to having sex with a woman, one with a cat, one with a camel, one with a man, and eight with a donkey; one story refers to a pimp and one to a whore."

Вот некоторые его примеры:

★ One day while preaching in a mescit, the Hodja says, "Muslims, you should be thankful to God. Do you know why? Because he did not put your anuses on your face. If he had, you would defecate on your face daily."

★ One day Nasreddin Hoca sees a minaret. "What is that?" he asks. "That is the town's penis," he is told. "Do you have a behind to match it?" the Hodja exclaims.

★ The Hoca went to a mosque to pray. By chance, he was wearing a short robe and happened to stand in the front row of the worshippers. As he prostrated himself in prayer, his testicles stuck out and a man behind him took firm hold of them. The Hoca, in turn, took hold of the imam's testicles. "Hey," said the imam, "what do you think you are doing?" — "What do I do?" the Hodja replied. "Are you not playing testicle tag here?"

★ The Hoca's donkey became very skinny, and a friend advised the Hoca to smear yogurt around his penis and feed the donkey through the vulva, which the Hoca attempted. After a few times, he was surprised at having had an ejaculation, and he said, "I have never had sex with such a skinny donkey."

★ One day, Nasreddin Hoca went to a village and had sex with his donkey in a secluded place. Afterwards, he lay down exposing his penis to the sun. Someone came across the Hoca while he was reclining and said to him, "What are you doing? Isn't it shameful to expose your penis?" The Hoca responded, "Go on your way, you whose tribe I fuck. Do you want me to leave my damp and wet penis unexposed so it would get moldy?"

По Башгэзу тема осла (в том числе тема секса с ослицей? ослом?) как-то особенно выделяется в старых источниках, которыми он пользовался.

А в общем и целом основные тематические группы в сборнике Харитонова таковы:

1. Насреддин и его жена (Насреддин и женщины)
2. Насреддин и его дети (родные)
3. Насреддин и богачи. Насреддин-бедняк
4. Насреддин и скупцы ([скупые] хозяева, обжоры, кредиторы). Насреддин-скупец ([скупой] хозяин, обжора, кредитор)
5. Насреддин-торговец. Насреддин и торговцы (Насреддин – покупатель, клиент, расплачивающийся за услуги)
6. Насреддин-вор. Насреддин и воры (разбойники). Насреддин ищет украденное (пропажу)
7. Насреддин-хитрец (обманщик). Насреддин и хитрецы (обманщики, обидчики)
8. Насреддин и острословы (хвастуны, лжецы). Насреддин-острослов (хвастун, лжец)
9. Насреддин-глупец (шут). Насреддин и глупцы (шуты)
10. Насреддин и мудрецы (философы, звездочеты, прорицатели, грамотеи, невежи). Насреддин-мудрец (философ, звездочет, прорицатель, грамотей, невежа)
11. Насреддин и властители
12. Насреддин-судья. Насреддин и судьи
13. Насреддин-священнослужитель. Насреддин и священнослужители (религия)
14. Насреддин и лекари (больные). Насреддин-лекарь (больной)

Тематические доминанты в ранних записях Башгэза оказались следующими:

- 1) религия, верования, ритуалы, места богослужения, священнослужители, смерть и воскрешение – 65 рассказов;
- 2) семейные отношения Ходжи (с женой, сыном, дочерью, матерью, отцом) – 62 рассказа;
- 3) отношения с ослами – 41 рассказ;
- 4) потребности и нужды, голод, недостаток денег, мелкие кражи для удовлетворения этих потребностей – 17 рассказов;
- 5) поведение относительно властителей и авторитетов – 14 рассказов;
- 6) юридическая система, суды и судьи, лжесвидетели, ищущие и адвокаты; сам Ходжа в роли судьи «на общественных основах» – 12 рассказов.

По оценке Башгэза, Насреддин – антигерой.

Его действия и слова бросают вызов буквально всем компонентам турецкой политической и социальной системы, показывают абсурдными многие фундаментальные аспекты человеческих отношений и знаний, высмеивают установившиеся правила и традиции, пренебрегают авторитетами, выражают недоверие к способам индивидуального и социального функционирования человеческой жизни, экспонируют дурь в человеческих характерах.

Под главный удар попадают важнейшие социальные институции – вера и семья.

В семейном кругу, например, Ходжа ведет себя как вербальный агрессор или обиженный супруг. Все его семейные отношения представляются перевернутыми, у них нет ничего общего с реальностью. Это – фантастическое сообщество, где не действуют никакие ограничения и табу, никакие традиционные ролевые модели и нормы. Бушуют первобытные инстинкты, у матери и отца нет никакого авторитета, члены семьи не проявляют никакого уважения друг к другу, семейное общение происходит грубым и недружелюбным образом, насыщено вульгарной лексикой, вращается вокруг гениталий. Сексуальное поведение Ходжи оказывается мультивалентным: иногда он показывает себя круглым невеждой в этой сфере, иногда общается и с мужчинами и животными. Женские персонажи ведут себя в сексуальном плане столь же агрессивно, прямолинейно и вульгарно.

Из огромного многообразия композиционных структур насреддиновских рассказов я могу здесь привести только ограниченное количество довольно случайных примеров.

ATU 1592B

Это – сюжет широкой международной известности, классический шванк из серий проделок хитрецов:

436. Котел умер

Однажды Хузе Насреддину был нужен котел. Вот он пошел к соседу и выпросил котел. Через некоторое время он отвес обратно не один котел, а два: второй был маленький. Сосед спросил его, почему он принес два котла.

— Второй — сын вашего котла: он родился у нас! — ответил Хузя.

Сосед удивился, но взял оба котла.

Прошло недели две. Хузя опять пришел за котлом. Сосед с радостью дал ему большой котел. Он думал, что Хузя опять

принесет два котла. Но случилось не так. Хузя котел не несет. Сосед пошел за котлом сам, а Хузя говорит ему:

— Твой котел помер!

Сосед удивился и сказал:

— Котел не может умереть!

Хузя Насреддин, засмеявшись, ответил:

— А как же ты поверил, что твой котел родил?

Так вместо маленького котла добыл себе Хузя большой котел¹.

татар. 27, 2

ATU 1826

В этом тексте с одной стороны происходит явный (и успешный) акт хитрости. Но в то же время условия для изобретения поводов для отказа с каждым очередным ходом все более и более осложняются, так что реплика в конце третьего хода уже воплощает достаточную степень неожиданности / находчивости, чтобы считаться пуантом.

1*43. Как Насреддин был дибиром *

Жители соседнего аула предложили Насреддину быть аульским дибиром. Насреддин охотно согласился и вскоре перебрался на новое место.

Однажды после намаза аульчане попросили его о чем-нибудь рассказать.

— А знаете ли вы, о чем я буду говорить? — спросил Насреддин.

— Нет, не знаем, — дружно ответили присутствующие.

— Если не знаете, то не стоит вам, дуракам, и рассказывать, — ответил Насреддин и пошел домой.

На второй день аульчане снова попросили Насреддина что-нибудь рассказать.

— А знаете ли вы, о чем я хочу рассказать? — спросил Насреддин.

— Знаем, знаем, — закричали все.

— Раз знаете, то нечего вам и рассказывать.

На третий день аульчане опять повторили просьбу.

— А знаете ли вы, о чем я буду говорить? — спросил Насреддин.

— Знает только половина из нас, — ответили ему.

— Пусть тогда знающие расскажут незнающим, — ответил Насреддин и с миром отпустил прихожан¹.

авар. 9, 66

В данном примере Ходжа находится как бы в оптимальной кондиции «умного дурака», когда иронизирует над своими профессиональными делами, буквализирует и профанирует религиозные метафоры и символы.

В эстонских шванках то же самое делается «искренним дураком», которым является тупой и простодушный конфирмант.

ATU 1832N*

771. Змея перерастает в дракона

— Назовите ваш возраст и год вашего рождения, — попросили Афанди.

— Лет мне пятьдесят, а родился в год дракона, — последовал ответ.

— Но ведь по мусульманскому календарю такого года нет. Есть год мыши, змеи, барана... Откуда вы взяли год дракона?

— Да это же просто. Родился я в год змеи, но с тех пор прошло пятьдесят лет. За такой срок, по-моему, любая змея перерастет в дракона, — отвечал Афанди¹.

уйгур. 14, 73

Этот сюжет неоспоримо заканчивается пуантом. Он постоянно и бесспорно связывается и с именем Насреддина. Притом он является одним из тех, которым часто приписались глубинные, мистические суфийские подтексты:

что не следует искать вечное в земном и бренном;

что решения трудных проблем надо искать в безднах человеческой души, а не во внешнем пространстве;

что Бога надо искать именно там, где мы потеряли его для себя, и т.д.

590. Поищу на улице

Эпенди потерял у себя дома кольцо. Он не мог найти его дома и стал искать на улице. Сосед спросил его, что он ищет, и, узнав, что Эпенди потерял кольцо в доме, сказал:

— Эпенди, почему же ты не ищешь кольцо в доме?

Тогда Эпенди ответил:

— В доме темно, поэтому я ищу его на улице!

туркм. 15, 152

Этот пуантированный анекдот мне рассказал один мой сокурсник в 1960 или 1961 году.

70. Жена виновата

Понес как-то ходжа Насреддин зерно на мельницу. Жена завязала ему мешок, но по пути он развязался, да не один раз. Пока Насреддин добрался до мельницы, ему пришлось десять раз завязывать мешок.

Вернулся Насреддин домой и как следует отчитал жену:

— Ну и завязала ты мне мешок! Целых десять раз пришлось мне останавливаться и заново завязывать.

серб. 35, 484

Параллель из современного интернета:

Жена - мужу:

- Твой новый портной очень плохой. Мне приходится третий раз пришивать одну и ту же пуговицу
<http://loveplanet.ru/a-ljpost/login-kogen2007/page-1/>

Здесь есть технический пуант, но несколько неуклюжий:

163. Шутка всерьез

У Насреддина была старая мать. Однажды он стал хвалить ее приятелям и закончил так:

— Да пошлет Аллах моей матери еще долгие годы, Она — источник благодати в моем доме.

— Если ты так любишь мать, — пошутил один приятель, — то почему не выдашь ее замуж?

— Что за неуместные шутки? — возмутился Насреддин. Но тут вмешалась мать:

— А разве это шутка?

перс. 8, 163

В сходном варианте пуант отшлифован до полной кондиции:

К Рабиновичу ворвались бандиты. Тот их умоляет: - Все забирайте, только доченьку, Сарочку, не трогайте! Из соседней комнаты выходит Сарочка, снимает на ходу блузку: - Ну что ты, папочка! Раз погромы, то для всех.

<http://wap.rio.borda.ru/?1-12-0-00000005-000-10001-0>

По нынешним критериям, в этом примере, наверно, следовало бы усмотреть едкий расизм?

760. Ходжа и ученик-абиссинец

У ходжи был ученик-абиссинец по имени Хаммад. Однажды ходже показали чернильные пятна на одежде. Ходжа заметил:

— Это вчера мой Хаммад опоздал и от спешки вспотел. Когда он целовал мне руку, капля пота попала мне на платье!

тур. 5, 71

Иногда сюжет вообще выходит за рамки комического и представляется скорее легендарной сказкой (но притом с явным пуантом):

794. Как Насреддин за бога ответы давал

Насреддин провозглашал азан *. В это время у подножия минарета черный раб воскликнул:

— О боже! Что значит в твоих глазах тысяча лет?

— О раб мой, — ответил Насреддин, — всего одна секунда.

— Что значит в твоих глазах тысячи динаров *? — продолжал черный раб.

— О раб мой, — отвечал опять за «бога» Насреддин, — всего один динар.

— Так подари мне этот динар, — взмолился тот, а Насреддин отвечал:

— Подожди секунду.

перс. 8, 161

Параллель из современного интернета:

The story goes that a man was talking to God in prayer. He asked God, "Is it true that to you, a million years is like one second?" God says, "Yes." And the man asks, "And is true that to you, a million dollars is like one penny?" And God again responds, "Why yes." So the man asks, "Then can I have a million dollars?" To which God responds, "Yes, wait a second!"

Сюжет может быть построен также на толковании пословицы:

762. Трезвый и пьяный

Насреддин во время проповеди сказал:

— Трезвый среди пьяных — все равно что живой среди мертвцов. Он ест их сладости и смеется над ними.

перс. 8, 142

536. Каков казан, такова и поварёшка

Повстречал как-то Афанди хвастуна.

— Мой отец, — говорит тот, — купил такой казан, в который свободно вмещается тысяча манов * риса!

— А у нас, — в тон хвастуну сообщил ходжа, — была такая большая поварёшка, что один ее конец мог находиться здесь, а другой — в другой деревне.

— Не может быть такой поварёшки, — возразил хвастун.

— Как же не может быть?! — сказал ему Афанди. — Ведь не зря говорят уйгуры: «Каков казан, такова и поварёшка»¹.

уйгур. 14, 84

В нескольких рассказах Ходжа выражает мнение, что смерть его жены для него (или смерть жены для мужчины вообще) надо считать очень радостным и счастливым событием. Но эта убежденность может вливаться в очень разные нарративные структуры.

В здешнем примере персонифицируется Ангел смерти, делается мнимая попытка совершить акт хитрости, притом существенная часть информации остается скрытой до последней реплики Ходжи — т.е. текст надо считать и пуантированным.

112. Вдруг Азраил¹ ошибется

Заболел однажды Насреддин, лежит, не шелохнется. Жена его все сидела рядом и плакала. Ему это не понравилось.

— Ох, горе ты мое, — сказал он, — перестань плакать. Лучше возьми свои самые красивые платья и украшения, оденься да принарядись как следует.

— Ох, эфенди*, — сказала жена и еще пуще расплакалась, — что же ты говоришь? Могу ли я так поступить, когда ты болен?

— Если ты меня любишь, — настаивал Насреддин, — сделай так, как я сказал.

Тут в ней пробудилось женское любопытство, и она сказала:

— Я сделаю так, но не раньше, чем ты скажешь, зачем это тебе.

— Я бы тебе сказал, да боюсь ты обидишься.

— Нет, обещаю тебе, — сказала жена и поклялась, что, когда услышит, зачем это ему нужно, сделает все, как он просит.

— Видишь ли, женушка, — сказал тогда Насреддин, — когда Азраил пожалует за моей душой и увидит тебя во всей красе — вдруг он предпочтет взять не меня, а тебя?

Услышала это жена и плакать перестала².

хорват. 35, 448

В этом тексте нет, по существу, ни хитрости, ни глупости, но обнажается невероятная степень мизогинии, причем опять в форме внезапного пуантирующего «удара» в последней реплике Ходжи. Здесь несомненно есть пуант, но если здесь есть юмор, то очень черный.

99. Сожаление Насреддина

¹ Насреддин стоял на берегу водоема и громко вздыхал. Приятель спросил его, о чем он вздыхает.

— А ты разве не знаешь, — говорит Насреддин, — что моя первая жена утонула в этом водоеме?

— Но ты ведь снова женился на красивой и богатой? — не унимался приятель. — К чему горевать?

— Потому я и вздыхаю, — отвечал Насреддин, — что она не любит купаться¹.

перс. 8, 157

В этом тексте нет, на мой взгляд, ничего кроме гиперболической мизогонии — ни хитрости, ни пуанта, ни комики.

100. Счастливец

Зашла речь о некоем человеке, которому никак не везло с женами. Несмотря на молодость, он уже женился шесть раз, но все его жены умерли.

Все жалели его, и один доброжелатель сказал:

— Бедняга очень несчастен. Первая его жена жила всего год. Вторая жена прожила два месяца. Третья не дотянула и до двух. Четвертая и пятая умерли тоже, а шестая отдала богу душу сегодня.

Молла, сидевший в сторонке, вспомнил о своей жене, о ее уродстве и дурном характере и сказал:

— Есть один счастливец на этом свете, и то вы о нем сокрушаетесь.

азерб. 6, 179

И для некоторых других текстов мне как человеку западного склада ума совершенно не удалось придумать причину их существования в фольклорной традиции – я не сумел найти в них ни хитрости или мудрости, ни яркой глупости, ни пуанта, ни сюжетного решения – буквально ничего:

645. Упрямый мул

Ехал Наср ад-дин Джоха на своенравном муле и никак не мог заставить его повернуть туда, куда нужно. Встретился ему рыцарь и спрашивает:

— Куда путь держишь, Джоха?

— Куда мой мул меня везет!

араб. 35, 343

650. Зачем стирать!

Насреддин спрашивает:

— Платье у тебя грязное. Почему не постираешь?

— Оно опять станет грязным. Зачем попусту силы тратить?

— А разве трудно постирать еще раз? — спрашивают его.

— Разве я родился для того, чтобы заниматься стиркой?! — воскликнул Насреддин.

перс. 8, 134

Башгэз набрасывает структурную типологию рассказов о Насреддине на основании проявляющихся в них социальных моделей. По его мнению каждый рассказ состоит из двух структурных частей – основной предпосылки (*main premise*) и комментария (*comment*). Эта типология состоит из пяти категорий:

- А. Предпосылка выдвигает что-то жестко формальное, контролируемое, конвенциональное, а комментарий (реакция Насреддина) подвергает это сомнению, протестует против этого, высмеивает это.
- Б. Предпосылка содержит что-то несправедливое или нечестное, и комментарий противопоставляет этому что-то представляющее здравый смысл, социальную справедливость, равенство и честность.
- В. Предпосылка скрыта или завуалирована, только нарушение ее внутренних соотношений показывает ее наличие, и комментарий объясняет или поддерживает ее.
- Г. Предпосылка выдвигает какую-то неформальную, неконтролируемую, непривычную, странную социальную модель, а комментарий поддерживает эту модель или пытается сделать ее приемлемой.
- Д. Насреддин играет роль клоуна или шута: как предпосылка, так и комментарий смеются над всей вселенной, над всеми нормами социального и индивидуального поведения, даже над законами природы и человеческими знаниями в целом.

Вместо вывода

Как было сказано выше, даже беглый анализ исторического (античного и средневекового) материала опровергает представление о четком двувалентном распределении фольклорно-комического нарратива на непуантированные «АТУ-шванки» и пуантированные анекдоты, а также оспаривает универсальность тренда исторического движения от непуантированных форм комедии к пуантированным и показывает необходимость пересмотра структурного состава произведений фольклорного юмора.

Невозможно не заметить факт, что большинство рассматриваемых рассказов о Насреддине заканчивается репликой самого Насреддина, которая либо оценивает критически или одобрительно какую-то ситуацию, либо делает из нее обобщающий вывод, либо дает контрудар предыдущей словесной атаке собеседника и т.п.

Типология Башгэза, как и многое другое подтверждает интуицию о том, что основной структурный водораздел проходит не между непуантированным шванком как таковым и современным пуантированным анекдотом как таковым, а между рассказами с определенным «материальным» разрешением проблемы и рассказами, заканчивающимися прямой речью, чьей-то репликой.

Такая реплика может рассматриваться одной из возможных фокальных «точек рассеивания», которая, в зависимости от конфигурации конкретных условий, может приобрести качество пуанта-самообличения, выходящего из уст объекта насмешки, или пуанта-контрудара острого антагониста, либо просто «суб-пуантного» юмористического комментария нейтрального героя (например, в велеризмах), аксиологически амбивалентного или вполне асемантического высказывания «умного дурака», чего-то вроде паремического морального свода в конце притчи, и т.д., и т.п.